

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Цепная собака

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619555*

Аннотация

«... – Почему же вы находите, что моя повесть не подходит? Неужели она слаба?

– Я нахожу? – воскликнул редактор. – Бог с вами! Я нахожу ее прелестной. Мы по этому поводу часа полтора спорили со вторым редактором «Сияния», Лиходеевым. Но он уперся, как бык, – и вот видите: приходится возвращать вам эту вещь. Верьте мне, я как будто с кровью отрываю ее от сердца. Ведь, между нами-то говоря, это лучшее, что вы написали!

– Спасибо... Вы меня хоть немного утешили. Виноват... Один вопрос: почему вы должны подчиняться мнению этого Лиходеева, а он вашему – нет? ...»

Содержание

I	4
II	8
III	11
IV	13
V	15

Аркадий Аверченко

Цепная собака

I

Когда Зырянинов вошел в кабинет, полное добродушное лицо редактора журнала «Северное сияние» засияло радостью.

– Я в восторге, что вижу вас, – приветливо сказал он. – Одну минутку! Я только сейчас вот отпущу посетителя.

Посетителем был хилый молодец со скорбным видом и такими длинными волосами, что опущенная голова его напоминала плакучую иву. Он говорил:

– Почему же вы находите, что моя повесть не подходит? Неужели она слаба?

– Я нахожу? – воскликнул редактор. – Бог с вами! Я нахожу ее прелестной. Мы по этому поводу часа полтора спорили со вторым редактором «Сияния», Лиходеевым. Но он уперся, как бык, – и вот видите: приходится возвращать вам эту вещь. Верьте мне, я как будто с кровью отрываю ее от сердца. Ведь, между нами-то говоря, это лучшее, что вы написали!

– Спасибо... Вы меня хоть немного утешили. Виноват... Один вопрос: почему вы должны подчиняться мнению этого Лиходеева, а он вашему – нет?

– Иногда и он подчиняется. Лишний голос всегда принадлежит тому из нас, кто почему-либо против принятия произведения. Этим мы достигаем лучшего отбора материала в журнале.

– А что, если бы я... сходил к этому... Лиходееву. Поговорил бы... А?

– Пожалуйста! Это самое лучшее. Может быть, вы смягчите его сердце.

Хилый писатель тряхнул своей «плакучей ивой», поблагодарил редактора и исчез.

Редактор обратился к Зырянинову:

– Вы зашли за ответом?

– Да.

– Аванс? Пятьсот рублей?

– Да! Я же говорил.

– Гм... Я думаю, это можно устроить. Вот только не знаю, как Лиходеев. В этом деле нужно и его согласие.

– А вы думаете – он не согласится? – испуганно спросил Зырянинов.

Редактор улыбнулся.

– Ну, что вы... Это было бы слишком. Он не такой уж зверь, каким кажется. Правда, иногда бывает тяжеленек, душу всю своими капризами вымотает, но... в общем, дело с ним делать можно.

– Фамилия у него зловещая.

– Да уж... И характерец тоже не из первосортных. Ино-

гда и меня до белого каления доводит. А вообще – пустяки! Сходите – ваше дело чистенькое. Если он даст согласие, идите прямо в кассу и получайте монеты. До свидания! Когда будете уходить – загляните.

Зырянинов вышел из кабинета редактора и, проходя через контору, обратился к экспедитору:

– Как зовут господина Лиходеева?

Экспедитор усмехнулся.

– За глаза? Малютой Скуратовым и Скотиной! А в глаза – Филиппом Ипатычем.

– А что он, скажите... действительно злой?

– Он? Мерзавец первой руки. Злобный скряга, палач, человек с камнем в груди вместо сердца! Его за глаза так и называют: «Малюта Скуратов»! Редактор Бильбокеев добрая душа, но тряпка и всецело в руках этого проклятого старика. Бильбокеев, хотя наружно и храбрится, но втайне боится его как огня.

– Я не понимаю, – спросил Зырянинов, – для чего в одном журнале два редактора?

– Издательская глупость. Завел издатель эту моду, да и сам не рад. Малюта, кажется, и его в руки захватил. А у вас есть дело к этому мерзавцу?

– Да... аванс. Бильбокеев согласился, а теперь остановка за Лиходеевым.

– Не даст. Это уж не первый случай. А Бильбокеев обещал? Бедняга... И жалко его, и досадно, и смешно.

– Гм... – сказал Зырянинов. – Вы говорите: Филипп Ипатич? Ну, посмотрим-с...

II

Кабинет Лиходеева был маленький, полутемный, запыленный и грязный – настоящее жилище паука, раз навсегда соткавшего себе уютную паутину.

Наружность Лиходеева представляла яркий контраст с его характером: это был маленький розовый старичок, с ясным взглядом голубых глаз и мягкими ласковыми жестами. Только иногда ласковые глаза прикрывались тяжелыми веками и голос делался жестким, неприятным.

Когда вошел Зырянинов, он, кроме Лиходеева, застал у этого зловещего старика еще одного человека – судя по разговору, начинающего поэта.

– Что мне Бильбокеев! – говорил, стуча маленьким кулаком по столу, Лиходеев. – Я сам себе Бильбокеев! Стихи ваши слабы – вот и все.

– Да почему же?

– Очень просто. Это какая-то рубленая капуста, а не стихи.

– Ну, например, например... Укажите хоть одно место?

– Не помню я там ваших стихов. Еще указывай...

– У меня есть и другой экземпляр. Вот он! будьте добры взглянуть.

Лиходеев нехотя взял бумажку и повертел ее в руках.

– Ну, вот это:

К ее ногам я нес свои мечты,
Безумье грез, росинки слез вечерних...
Я ей шептал: «Прими, поверь в них...

– Что это такое?

– Виноват... Что же вам не нравится?

– Грубо. «К ее ногам!» Почему не к «ножкам», не к «сто-пам»?

– У меня так вылилось...

– Плохо, что вылилось... Потом: «росинки слез вечерних». Зачем это? Кому это нужно? Что, вы хотите мир этим перевернуть? Стыдитесь! Да я бы на вашем месте утопился, со стыда сгорел бы. Взрослый мужчина! Прощайте, молодой человек! Хе-хе! Это вам не Бильбокеев! Притворяйте дверь, у меня ревматизм. Вам что угодно?

– Здравствуйте, Филипп Ипатыч. Я – Зырянинов. У меня принята вещь... Я хотел аванс. Бильбокеев направил к вам.

Лиходеев посмотрел на него добрыми глазами, покачал головой и поджал губы.

– Напечатана?

– Еще нет, но...

– Так как же вы хотите получить деньги под то, что еще не напечатано?

– Мне очень нужны деньги.

– Э, батенька... Кому они не нужны.

– Бильбокеев мне обещал.

Старик вздернул плечами.

– Удивляюсь я этому Бильбокееву! Это ребенок какой-то. «Обещал, обещал»! Обещать легко. Как это так: «Дайте мне аванс». Почему? «Деньги нужны»! Да мне-то, например, деньги не нужны, что ли?! Однако я не прошу. Сегодня вы аванс взяли, завтра жену у меня взяли...

– Извините! – резко перебил Зырянинов. – Это не одно и то же.

– Э, дорогой мой... Что там говорить. Теперь пошло всеобщее развращение.

Зырянинов сухо спросил:

– Так, значит, вы в авансе отказываете?

– Господи! Ведь я же доказал вам, как дважды два, что аванса мы не можем дать. Обращаюсь к вашей рассудительности.

«Старик-то, кроме того, что зол, – еще и глуп», – подумал Зырянинов, а вслух сказал ледяным тоном:

– Прощайте. Нам с вами кажется, разговаривать больше не о чем.

И отправился к Бильбокееву.

III

– Ну что? – спросил Бильбокеев, пожимая руку Зырянинову – Удачно?

– Это мерзавец какой-то! – злобно проскрежетал Зырянинов.

Бильбокеев вскочил и всплеснул руками:

– Неужто отказал?

– Да!

– О, черт возьми... Я всего ожидал от этого маньяка, но отказать в такой простой вещи...

– И вы знаете: он не только скуп, но и глуп до противополого. Он при мне так раскритиковал стихотворение одного поэта...

– А что же он вам сказал?

– Сегодня, говорит, деньги возьмете, а завтра чужую жену...

– Вот кретин-то. Да вы бы ему сказали, что вам очень нужны...

– Говорил. «А мне, говорит, не нужны?»

Редактор переплел пальцы и со страдальческой миной сжал их так, что они хрустнули.

– Боже! Какой осел... О, когда мы только от него избавимся? Это будет счастливейший день моей жизни.

– Ваше положение, – сочувственно сказал Зырянинов, –

тоже не из важных. Я это понимаю...

– Ах, как это все неприятно... Мне так хочется вам это устроить... Я понимаю – когда деньги нужны...

– А знаете что? Напишите ему записку, что вы категорически настаиваете на выдаче мне аванса. А я ее снесу ему.

– С удовольствием. Я буду рад, если дело выгорит. И паука, может быть, зазрит совесть.

Бильбокеев стал писать записку.

– Ха-ха! Пишу ему: «Дорогой мой Филипп Ипатыч», а хочется написать: «проклятое, тупое дерево, мерзавец Филька!..» Ну – вот-с. Записка готова. Я все-таки думаю, что он согласится. Скажите ему на словах, что я прошу сделать мне в личное одолжение.

– Я не знаю, как и благодарить вас! – в волнении воскликнул Зырянинов...

IV

Лиходеев распекал какого-то потрепанного человека.

– Зачем исторический роман? Кому это нужно? Что? Бильбокеев? А что мне ваш Бильбокеев! Бильбокеев мне не указ. Исторический роман из эпохи Самозванца... Ха-ха! Да вы что, были там? Видели эту эпоху? Нет? Так нечего вам и говорить. До свиданья. Притворяйте дверь. А! Вы опять пришли? Что вам угодно?

– Вот записка от Бильбокеева. Он еще просил передать, что согласие ваше будет личным ему одолжением.

– Ребенок! – сказал старик. – Суший ребенок.

Одним глазом он скользнул по записке и, разорвав ее, бросил в корзину.

– Извините. Ничего не могу.

– Во-первых, – сказал Зырянинов, – я очень сожалею, что просьба моя удовлетворена вами быть не может, а во-вторых, ты не более и не менее как старый идиот, мерзавец, и когда черти заберут тебя в ад – на земле будет дышаться легче, солнце засияет ярче и птицы запоют громче!...

Лиходеев протянул к нему дрожащие руки и жалобно сказал:

– За что же вы... старика... обижаете?

– А за то, – в чрезмерном волнении вскричал Зырянинов, – что этот старик отказывает мне в деньгах, на которые

можно было бы вернуть жизнь моей жене. У нее начало чахотки, и если повезти ее на юг, то спасти бы можно. А старику на это наплевать.

Лиходеев опустил на стул и схватился руками за голову...

Так он просидел минуты две. Потом поднял голову и, глядя на Зырянинова скорбными глазами, прошептал:

– Хорошо... Скажите в кассе... что я разрешаю. Там, вероятно, выдадут.

V

В третий раз вошел Зырянинов в кабинет Бильбокеева.

– Отказал?

– Наоборот, согласился. Я уже и денежки получил.

– Быть не может! Это так не похоже на нашего Малюту

Скуратова.

– Представьте, разжалобился. Я его, впрочем, ругнул порядочно.

– Сердечно рад за вас! Поздравляю... Вы прямо маг и чародей. Чудесно, чудесно. Уходите? Ну, прощайте. Желаю вам повеселиться!

Оставшись один, Бильбокеев прошелся несколько раз по кабинету и позвонил.

– Скажите Филиппу Ипатычу, – обратился он к служителю, – что я очень извиняюсь за беспокойство, – и прошу, если он сейчас не занят, пожаловать ко мне по важному делу. Не забудьте извиниться за беспокойство.

Через минуту вошел Лиходеев. Он подошел к столу и стал неподвижный, с опущенной головой.

– Слушайте, Фиалкин! – сердито полушепотом начал Бильбокеев. – Это что еще за новости? Какое вы имеете право давать какие-то глупейшие разрешения на авансы?! Я не для того плачу вам сорок рублей ежемесячно, чтобы вы выкидывали подобные глупости. Во всяком благоустроенном

дворе есть цепная собака, но если она начинает ласкаться к прохожим, вместо того чтобы рвать им штаны, – ее выбрасывают ко всем чертям! Зарубите себе это на носу.